

Слуги при виде этого поспешно опустили головы, лишь про себя в изумлении цокая языками: осмелиться так подшучивать над князем — ванфэй был первым, кто на такое решился.

Ань Чанцину же было не до того. Ещё в экипаже он посчитал, что они с Сяо Чжигэ полностью объяснились. Раз уж они условились провести вместе всю жизнь, то и чужим он себя больше не чувствовал. К тому же потакание Сяо Чжигэ в последние дни придало ему смелости, отчего в речах и поступках он стал куда более развязным.

Да и вообще, как поглядеть, Сяо Чжигэ был всего лишь молчаливым деревянным чурбаном, ничего страшного в нём не водилось.

Вернувшись в свои покои — поскольку во дворце они не ужинали, — они велели слугам подать несколько лёгких блюд прямо в комнату. Отобедав, Ань Чанцин поморщился от мысли о том, сколько пота пролил за день, стоя на коленях и проливая слёзы, переоделся в лёгкую одежду и отправился в купальню.

Скинув одежду и погрузившись в воду, он заметил на коленях и бёдрах огромные синяки. Колени пострадали от долгого стояния, а бёдра он исщипал сам, опасаясь, что не сможет заплакать.

Пока не видел их, боли словно и не чувствовал, но едва заметил — она тут же дала о себе знать. Каждое движение отзывалось тупой болью.

Ань Чанцин резко вдохнул прохладный воздух и, мягко и не торопясь, опустился глубоко в бадью, решив сначала смыть с себя грязь, а уж затем заняться мазью.

Так он пробыл в воде добрых полчаса. Когда же пришло время вылезать, выяснилось, что колени ноют так сильно, что на них невозможно опираться. Опёршись о край бадьи, он попытался подняться, но случайно задел синяк и от вспышки боли снова плюхнулся назад.

После нескольких беспомощных всплесков у Ань Чанцина от боли на глаза навернулись слёзы. Посидев с пылающим от смущения лицом какое-то время, он всё же позвал Сяо Чжигэ.

Сяо Чжигэ находился в спальне. Услышав оклик, он на мгновение замялся, прежде чем войти.

В купальне топились подпольные каналы, воздух наполнился густым паром. Ань Чанцин сидел в высокой бадье, его мокрые волосы рассыпались по спине, а из воды выступала изящная тонкая шея, слегка покрасневшая от жара.

Неловко отведя взгляд, Сяо Чжигэ подошёл ближе и сдавленным голосом спросил:

— Что случилось?

— Ноги болят, не могу встать, — смущённо пробормотал Ань Чанцин, опустив влажные от пара ресницы. — Вынеси меня отсюда...

Сяо Чжигэ почувствовал, как струна разума в его голове натянулась до предела. Взгляд его бессознательно скользнул по поверхности воды, замер на мгновение и снова метнулся в сторону. Хриплым голосом он бросил:

— Подожди.

С этими словами он взял сухое полотенце и слегка протёр юноше волосы. Затем, стараясь не

смотреть на него, осторожно вытащил из бадьи, завернул в широкое покрывало и отнёс в комнату.

Закутав его в одеяло, Сяо Чжигэ практически сбежал.

Постояв немного на морозном ветру в тонкой одежде, он велел Ань Фу принести ещё одну небольшую жаровню. Когда князь вернулся, Ань Чанцин всё ещё скручивался под одеялом, высовывая голову и глядя на него:

— Князь, куда ты ходил?

— Велел принести жаровню, — Сяо Чжигэ сглотнул, взял новое полотенце и принялся досушивать его волосы.

Тут как раз Ань Фу принёс жаровню. В ней тлели угли «серебряная нить», от которых не было ни дыма, ни копоти. Поставив жаровню у кровати, чтобы Ань Чанцин мог подсушить волосы, Сяо Чжигэ приподнял одеяло:

— Где у тебя болит?

Ань Чанцин вытянул ноги и, надув губы, показал:

— Колени. И бёдра. Всё в синяках.

Синяки выглядели ещё страшнее, чем в воде: они потемнели до багрово-фиолетового цвета и опухли. Стоило Сяо Чжигэ слегка прикоснуться, как Ань Чанцин ойкнул от боли.

Брови Сяо Чжигэ сдвинулись в плотную складку, а все нескромные мысли мигом улетучились, уступив место жалости и вине. Осторожно погладив ушибленное место, он тихо сказал:

— Синяки нужно растирать. Я принесу целебную настойку.

Ань Чанцин сжался от одной мысли об этом. В прошлом ему не раз приходилось терпеть телесные наказания и ушибы. У него от природы была нежная кожа, а братья и сёстры часто обижали его, оставляя синяки. Тогда он боялся огорчить матушку, поэтому молчал и терпел всё сам.

Бывали раны и похуже этой, и тогда он сжимал зубы и терпел. Но почему-то именно сейчас он вдруг не смог справиться с болью.

Когда Сяо Чжигэ вернулся с бутылкой настойки, юноша капризно поджал ноги и полностью спрятался под одеяло, глухо буркнув:

— Не надо растирать. Через пару дней само пройдет.

— Если не растирать, завтра станет только хуже, — Сяо Чжигэ неодобрительно нахмурился, но из сострадания к его боли не смел сказать ни единого грубого слова. Ему оставалось лишь уговаривать: — Я буду очень осторожен, тебе не будет больно.

Ань Чанцин колебался, но, испугавшись, что завтра будет мучиться ещё сильнее, всё же выпростал ноги и жалобно попросил:

— Тогда только полегоньку, я очень боюсь боли.

— Угу, — отозвался Сяо Чжигэ. Он налил настойку в ладони, согрел её и приложил руки к его коленям.

Хотя князь приложил едва ли десятую долю силы, Ань Чанцин всё равно вскрикнул и с плачущими интонациями обвинил его:

— Ты всё врешь...

Сяо Чжигэ напрягся, заставив себя не ослаблять нажим. Видя его покрасневшие глаза и то, как юноша кусает губы, сдерживая боль, князь неловко стал подувать на ушибленное место и с трудом выговорил ласковую дразнилку:

— Муж подует, боль и улетит...

Ань Чанцин, у которого от боли уже лились слёзы, от этих слов не удержался и фыркнул, упёршись другой ногой в его плечо:

— Я же не трёхлетний ребёнок! Меня так только матушка в детстве успокаивала.

— Вот как? — Сяо Чжигэ немного опешил и тихо пробормотал себе под нос: — Значит, этому учатся у матерей...

— Что? — Ань Чанцин не расслышал.

— Ничего, — Сяо Чжигэ качнул головой, его сдвинутые брови немного расправились, но он продолжал аккуратно дуть на синяк. — Потерпи ещё немного.

Внимание отвлеклось, и боль стала не такой острой. Ань Чанцин положил подбородок на горку одеял и стал наблюдать, как Сяо Чжигэ бережно и не торопясь растирает его синяки.

Мужчина стоял перед кроватью на одном колене с предельно серьёзным выражением лица. Опущенные ресницы скрывали суровый взгляд, а тёплый тусклый свет свечи сглаживал резкие черты, придавая ему небывалую мягкость.

Чем больше Ань Чанцин смотрел на него, тем сильнее его наполняли радость и удовлетворение: такой замечательный человек теперь принадлежит ему.

Как он мог раньше считать его свирепым и ужасным?

Какое слепое глупое предубеждение!

Ведь этот человек на самом деле невероятно добр.

Автор хочет сказать:

#Чем заняты князь и ванфэй в спальне#

Ань Фу у дверей: «Мне стоит приготовить ещё одну бадью горячей воды?»

Но-но: «?»

Сун-сун (холодно): «Много лезешь не в своё дело».

Из-за вечерней суеты Ань Чанцин уснул поздно, и когда на следующий день очнулся ото сна,

солнце уже пробивалось сквозь оконный флёр. Ночью прошёл снег, всё вокруг оделось в ослепительную белизну, и бледный зимний свет, отражаясь от сугробов, слепил глаза.

Ань Чанцин смутно зевнул, открывая глаза. Дежуривший снаружи Ань Фу, услышав шорох, отворил дверь и поинтересовался, поднялся ли хозяин.

— Который час? — спросил Ань Чанцин, поглядев на окно.

— Четверть первого дня.

— Уж так поздно? — изумился Ань Чанцин и выглянул во двор: солнце и впрямь было высоко.

— Почему не разбудил раньше?

— Князь перед отъездом так велел, — Ань Фу подмигнул и с хитрым видом добавил: — Сказал, что молодой господин вчера очень устал, и велел дать вам поспать подольше.

Ань Чанцин: «...»

Ань Чанцин метнул на него строгий взгляд и велел:

— Готовь воду, я хочу умыться.

Ань Фу хихикнул и поспешил исполнять. Ань Чанцин сбросил одеяло и поднялся с кровати — боль в коленях почти прошла. Закатав штанины, он осмотрел ноги: синяки смотрелись едва ли не страшнее, чем накануне, однако благодаря тому, что Сяо Чжигэ долго растирал их настойкой, отёк спал, а ломкая боль утихла. Теперь неприятные ощущения возникали, только если надавить пальцем.

Пока он разглядывал синяки, в комнату с умывальными принадлежностями вошёл Ань Фу. Увидев увечья на коленях хозяина, он застыл, точно шумный гусь, которому внезапно сжали горло, и, задыхаясь, вскричал:

— Г-г-молодой господин... Как же вас так уразили...

Едва выговорив это, он тут же хлопнул себя по лбу, сообразив, какой глупый вопрос задал.

Как ещё? Разумеется, это всё содеяно вчера ночью...

С сочувствием и тревогой глядя на Ань Чанцина, он осторожно спросил:

— Может, позвать лекаря?

Князь обошёлся с ним уж слишком сурово! Раньше Ань Фу казалось, что слухам верить нельзя, но теперь выходило, что дыма без огня не бывает. У его молодого господина такая нежная кожа, как можно было так над ним издеваться?

Узнай об этом наложница Юй, у неё бы сердце разболелось от жалости.

— ... — Ань Чанцин, увидев выражение его лица, сразу понял, о чём тот думает. Сделав строгое лицо, он оборвал: — Замолчи! Ничего страшного, и матушке ни слова.

Ань Фу нехотя протянул: «Слушаюсь...» — и принялся прислуживать ему при умывании.

<http://bllate.org/book/18381/1767621>